

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ
НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИИ
(1947—1972)

DEDICATED
TO THE 25TH ANNIVERSARY
OF INDIA'S INDEPENDENCE
(1947—1972)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

ВЫП. XIV

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

А. Д. Дридзо

НАЧАЛО ИММИГРАЦИИ ИНДИЙЦЕВ В ВЕСТ-ИНДИЮ

Появление на островах Вест-Индии иммигрантов из Азии связано с отменой рабства и было вызвано попытками плантаторов найти рабочих, которые заменили бы на плантациях рабов-негров.

Как известно, отменить рабство в Британской империи было решено в 1833 г. Предполагалось освободить рабов (за огромную компенсацию их владельцам) с августа 1834 г. Освобождение это, однако, было неполным: рабы должны были еще ряд лет работать на своих хозяев, проходя период так называемого ученичества. Недовольство рабов, грозившее новыми восстаниями (в последнее десятилетие рабства на одной только Ямайке негры восставали дважды — в 1824 и 1832 гг.), усугублялось следующим обстоятельством. Плантаторы, стремясь выжать из «учеников» все, что только было возможно, эксплуатировали их еще более жестоко и относились к ним еще хуже, чем до отмены рабства. Все это заставило английское правительство сократить срок «ученичества» и в 1838 г. объявить бывших рабов свободными уже без всяких оговорок и ограничений.

Как только это решение вступило в силу, негры начали массами покидать плантации. Они явочным порядком занимали пустующие земли, создавая там мелкие крестьянские хозяйства, либо переселялись в города, где основными их занятиями стали ремесла, мелкая торговля и т. п.

На Малых Антильских островах земель, удобной для обработки, было очень мало и города были крайне невелики. Здесь большинство бывших рабов оказалось не в состоянии прокормить себя и свои семьи; им пришлось в конце концов вернуться на плантации. Иммиграция на эти острова из Азии (и из Европы) была поэтому ничтожной.

Положение на Ямайке и особенно на Тринидаде сложилось иное. Свободных земель здесь было достаточно, и отток рабочих с плантаций принес их хозяевам огромные убытки. Разорившиеся плантаторы требовали помощи как от местных властей, так и от английского правительства. Убытки терпели не только владельцы плантаций, жившие на островах, но и крупнейшие латифундисты, которые обычно никогда не посещали своих заморских владений. Они постоянно жили в Лондоне, занимая видные места в правительстве, в парламенте, принадлежа к числу влиятельнейших деятелей Сити. Всем этим и объясняются масштабы поисков новых источников рабочей силы, энергия, с которой поиски проходили, а главное то, что результаты сказались достаточно быстро.

Обращение в данном плане к Индии было вполне понятным. Эта крупнейшая британская колония переживала тогда тяжелые времена. Жестокая колониальная эксплуатация, подрыв традиционного ремесленного производства, земельные реформы, результатом которых явилось внедрение систем заминдари и райятвари,— все это разоряло индийский народ, лишало его средств к существованию, сделало постоянным атрибутом индийской действительности голод, уносивший миллионы жизней. В этих условиях колонизаторы рассматривали эмиграцию части населения — наиболее обездоленной, наиболее обременительной поэтому для властей и наиболее взрывоопасной — как одно из средств смягчения противоречий колониальной Индии. Причем имелась в виду, как правило, эмиграция в другие британские колонии, где тогда ощущалась нехватка рабочей силы.

Все эти проблемы, относящиеся к предыстории нашей темы, нами не рассматриваются, так как им уделяли значительное внимание многие из авторов, занимавшихся индийской эмиграцией в целом. Однако, подробно перечисляя те причины, по которым индийцы были вынуждены покидать родину, большинство буржуазных ученых ограничивается лишь констатацией следствий, оставляя при этом в стороне причину сложившегося положения — колониальное порабощение Индии британскими колонизаторами. Лишь после провозглашения независимости Индии появляются первые значительные работы, где это нашло отражение [9; 7, 336—337].

Вывоз индийских рабочих в другие английские колонии проходил под неослабным надзором колониального правительства Индии и юридически оформлялся довольно долго и не без затруднений. Прежде всего, колониальная администрация ставила перед собой цель — ни в коем случае не допустить ущерба британским интересам в Индии. Этими интересами она не желала поступаться даже в пользу других колоний. Рассматривая индийских эмигрантов как «своих» граждан, администрация эта многие десятилетия держала их под своим контролем, направляла в колонии, где они жили, своих представителей и т. п. Отсюда и трудности в оформлении, а иногда и прямое запрещение эмиграции, отсюда и споры с администрацией других колоний.

Но сложности не исчерпываются этими разногласиями внутри господствующего класса, разногласиями между разными группами британских колонизаторов, находившими отражение и в политике правительства Англии.

Довольно скоро после начала иммиграции сведения о тяжелом положении законтрактованных рабочих-индийцев проникли в печать. Решительными ее противниками выступили английские аболиционисты, разоблачавшие плантаторов, которые превращали иммигрантов из Индии, по сути дела, в рабов.

Оппозиция постепенно росла и в самой Индии. Если говорить о коренном населении, то вначале она исходила из кругов нарождавшейся национальной буржуазии, затем ее социальная база расширилась. Характерно, что колонизаторы опасались именно этого аспекта антиэмиграционных настроений, с тревогой отмечая, что материалы о тяжелом положении индийцев за океаном, появившиеся сначала в англо-индийской периодике, были затем перепечатаны и в газетах на бенгальском языке [2, 153].

Все это не могло не оказать влияния на то, как протекал вывоз индийцев. Самые первые этапы этого вывоза, первые главы истории индийской эмиграции колониального времени отношения к нашей теме не имеют. Они связаны с историей о-ва Маврикий,— как и Вест-Индия, «са-

харной колонии», но расположенной гораздо ближе к полуострову Индостан. «Опыт» этого острова и некоторых других (Реюньон и пр.) позволил затем организовать массовую эмиграцию законтрактованных рабочих и в американские колонии — сначала в Британскую Гвиану, а затем и на Ямайку и Тринидад.

Мы не подвергаем здесь рассмотрению историю борьбы вест-индских плантаторов за разрешение ввозить рабочих из Индии, равно как и различные перипетии прохождения этого вопроса в парламенте и правительстве Англии. Для нашей темы указанный аспект особого значения не имеет. Кроме того, в данной области существуют основанные на не публиковавшемся еще архивном материале работы британских, американских и индийских историков (кроме упоминавшихся книг Кондапи и Кампстон укажем еще статью Эдгара Эриксона [5]). Предметом же нашего непосредственного изучения станет судьба индийцев уже на Антильских островах.

Иммиграция индийцев в Вест-Индию была разрешена так называемым Актом XXI, принятым индийским правительством 16 ноября 1844 г. Некоторые модификации были внесены Актом XXV на следующий год и Актом VIII (1847) [13, 114]. Ниже приведем основные положения этих актов.

Индиец должен был согласиться на выезд совершенно добровольно. Ему следовало разъяснить, куда именно он едет, какая работа его ожидает, как она будет оплачиваться. Вербовку должны были проводить государственные органы в лице специально выделенных для этой цели представителей — «эмиграционных агентов» и «протекторов». Агенты осуществляли непосредственный набор рабочих. Протекторы (местопребыванием их были порты, через которые шла эмиграция, — Калькутта и Мадрас) должны были обеспечить законность вербовки, выдать соответствующие свидетельства, следить за соблюдением установленных правил. Бывали случаи, когда обе эти должности совмещались. В так называемых депо, где собирали завербованных перед посадкой на корабли, проводился медицинский осмотр. Отправка корабля не разрешалась, если женщин было менее 25%, а с 1870 г. — менее 40% общего числа эмигрантов. На корабле обязательно должен был следовать врач [5, 135—136].

Такова была буква закона, но фактически дело обстояло иначе. Во-первых, вербовка на местах осуществлялась не эмиграционным агентом, а целой армией подрядчиков и субподрядчиков. Эмиграционный агент только нанимал себе помощника, этот — уже от себя — еще помощников, которые делали то же самое, и т. д. Например, в распоряжении Т. Кейрда, набиравшего рабочих для Вест-Индии в 1844—1845 гг., было 600 человек. За каждого завербованного помощник агента получал 45, 75, а иногда 100 рупий. Правда, часть этих денег шла субподрядчикам, — по-видимому, не очень значительная, ибо субподрядчик последней инстанции довольствовался уже только одной-двумя рупиями [9, 82; 5, 138].

Во-вторых, администрация тем самым как бы устранялась от «грязной работы» по непосредственной вербовке, а многие ее представители, несомненно, извлекали из нее немалые доходы. Э. Эриксон, например, упоминает об эмиграционных агентах, «достоинных доверия» [5, 136]; значит, были и такие, которые «доверия» не оправдывали, и обойти молчанием их действия уже не представлялось возможным.

Такая система вербовки, видимо, вполне устраивала колониальные власти. Решающую роль играло здесь то, что в случае необходимости ответственность можно было возложить на непосредственных исполни-

телей, причем не англичан, а индийцев, набранных из элементов иногда просто уголовных¹ [5, 138; 7, 337].

И не мудрено, что вербовщики эти — с ведома администрации — бессовестно обманывали вербуемых. Очень характерны в этом плане результаты опроса, проведенного немногим больше десяти лет назад на Тринидаде американским исследователем Мортонем Классом. Его информаторы — старики, сами прошедшие когда-то процедуру вербовки или слышавшие рассказы о ней, в один голос заявили, что вербовщики при оформлении контракта прибегали к самому беззастенчивому обману. Вербуемым были обещаны легкая работа («просеивание сахара») и высокие заработки; ни то, ни другое, как вскоре оказалось, не соответствовало действительности [8, 9]. Бывали даже случаи, когда при заключении контракта обещали канцелярскую должность. Однако во всех сопроводительных документах предусмотрительно указывалось: профессия — рабочий [4, 293].

Скоро вербовщики уже примелькались на базарах, у колодцев, у караван-сараев, — словом, там, где скапливалось много народу. Население довольно быстро разобралось в том, что это за люди. Во многих работах говорится о ненависти, которой они были окружены [10, 82]. И все-таки вербовка продолжалась. Чем это можно объяснить? Прежде всего, поистине безвыходным положением многих миллионов трудящихся в колониальной Индии. Даже понимая, что вербовщик их обманывает, люди подписывали контракт, спасаясь от голодной смерти [8, 9—10]. Кроме того, многие вербуемые совершенно не представляли себе, где находится пункт назначения, далеко ли это или нет. В связи с вербовкой ходили слухи не то о Бирме, не то о Китае, не то о каких-то пустынях [10, 82]. От рабочих скрывали даже, что придется пересечь море. А это в соответствии с нормами индуизма у высоких каст многих, преимущественно континентальных, народов означало потерю касты. Одно вербовочное агентство еще в 1836 г. писало своему клиенту: «Туземцы совершенно ничего не знают о месте, куда они едут, или о продолжительности путешествия, которое они предпринимают». И не удивительно, что некоторые из законтрактованных, бежав с плантаций уже на Тринидаде или в Британской Гвиане, верили, что смогут добраться до Индии... пешком [4, 89; 10, 10, 90].

Английский исследователь Доналд Вуд, характеризуя разницу между работоторговлей в Африке и вербовкой законтрактованных рабочих в Индии, приходит к следующему, на наш взгляд, справедливому выводу: «Ни один работоторговец... не стал бы отбирать тех, кто, очевидно, не в состоянии был выдержать марша к... загону для рабов, и ни один капитан невольничьего судна не стал бы покупать тех, кто казался неспособным выдержать суровый переход через Атлантику. Он рассчитывал на прибыли в Бразилии или на Кубе, это было его заработок. Поэтому-то африканцев и выбирали... сильных, в расчете на то, что они смогут работать долго. При отборе же индийцев... найти достаточное число подходящих кандидатов часто бывало трудно. Успех вербовочной работы измерялся только напслненностью судовых трюмов» [14, 117—118].

В таких условиях злоупотреблений было чрезвычайно много. Людей не просто обманывали, их похищали, силой загоняли в «депо», лишали даже того мизерного пособия, которое полагалось эмигранту по закону [2, 117]. Фикцией оказывалась и очень стройная (на бумаге) система

¹ Иногда эта «мафия» даже навязывала администрации свои условия, применяя для воздействия на нее саботаж и бойкот.

медицинского осмотра. По циничному признанию одного чиновника, смертность на кораблях колонизаторы стремились снизить так: отправляемых не сажали на пароход до самого момента отплытия [8, 12—13]. Но и это, разумеется, не помогало. Ведь на каждого пассажира приходилось не более 7,2 кв. фута пространства, иначе говоря — чуть больше 2 кв. м [14, 149]. Почти с каждого корабля по прибытии его в порт назначения снимали по 15—20 трупов. Из первой партии, отправленной на Ямайку в 1845 г., умерло во время морского перехода десять человек, а большинство остальных было в таком состоянии, что один из плантаторов, пришедший на пристань, прямо заявил — таких ему и даром не надо [2, 102, 116]. Были периоды (особенно в начале 60-х годов), когда смертность достигала 50%; в 1858 г. корабль «Солсет», взявший в Калькутте 323 пассажира, доставил в порт только 119 [13, 118; 14, 149].

Таким образом, условия, при которых проходила вербовка, не оставляют сомнений в том, насколько бесправным и тяжелым во всех отношениях было положение эмигрантов². Не менее тяжелым оказывалось оно и по прибытии на место. Однако прежде чем перейти к рассмотрению того, что происходило с индийскими рабочими на Антильских островах, следует выяснить два важных вопроса. Мы имеем в виду этническую и социально-кастовую принадлежность эмигрантов.

Трудности в решении этих вопросов связаны прежде всего с недостаточным количеством материала. Те статистические данные, которыми располагают исследователи, касаются лишь вывоза законтрактованных рабочих из двух основных портов Индии, откуда направлялись за океан «невольничьи корабли», — Калькутты и Мадраса (здесь можно назвать еще Бомбей, но он не играл заметной роли). Правда, судовой врач каждого судна получал список пассажиров и передавал его иммиграционным властям. К сожалению, только часть этих списков сохранилась до наших дней. Их использовал в своей работе уже упоминавшийся Доналд Вуд [14, 141].

Довольно рано основным пунктом отправки индийцев в Вест-Индию стала Калькутта. За 1845—1892 гг., как отмечает Мортон Класс, из 93 569 рабочих, вывезенных на Тринидад, через Калькутту выехало 88 304, т. е. более 94%, а через Мадрас — только 5265. Лишь один раз — в 1847 г. — из южноиндийского порта было вывезено на Тринидад больше рабочих, чем из Калькутты. Класс пишет далее, что с 1872 г. тринидадские плантации через Мадрас рабочей силой уже не снабжались [8, 10].

Приведенные данные взяты Классом из брошюры чиновника английской колониальной администрации в Индии Каминса, направленного в конце прошлого века со своего рода ревизией за океан. Но обращение к другим источникам ставит некоторые выводы Каминса под сомнение. Так, давая показания парламентской комиссии Сэндерсона в 1909 г., некий Уорнер, бывший эмиграционный агент из Калькутты (1881—1889), работавший до этого (1869—1881) в иммиграционном департаменте Тринидада, отмечает, что ввоз туда рабочих через Мадрас прекратился еще в 1860 г. [4; 29; 14, 140]. Вуд в своей книге перечисляет даже рейсы Мадрас — Порт-оф-Спейн, которые совершались в 1846, 1847, 1858, 1859 и 1860 гг. По-видимому, не исчерпывая и эти данные, потому что протектор иммигрантов Тринидада в своем выступлении перед той же комиссией упоминает о прибытии мадрасских рабочих в более позднее время (правда, лишь раз — в 1906—1907 гг.) [4, 293].

² Мы не касаемся дальнейшей (в 60-е годы и позже) модификации эмиграционных законов, ибо принципиально эту оценку она изменить не может.

Но даже и выяснение роли двух портов в эмиграции индийцев на Тринидад существенно не поможет нам определить этническую принадлежность эмигрантов. Естественно предположить, что далеко не все выезжавшие из Калькутты были бенгальцы и не все пассажиры судов, отходивших из Мадраса,— тамилы. В свое время нам уже приходилось указывать на это обстоятельство [1, 92]. Обращение к имеющимся материалам, при всей их немногочисленности, такое предположение подтверждает. Прежде всего, среди самых первых групп ввезенных рабочих были так называемые «горные кули» из горного района Чхота Нагпур в Бихаре и из прилегающего к нему дистрикта Бардван. В официальных документах они значились как люди касты дхангар, состоящей из сельскохозяйственных рабочих [3, 95; 10, 10]. Об этих же рабочих спрашивали в комиссии Сэндерсона уже известного нам Уорнера (применяя термин «племена из джунглей и санталы»). Уорнер ответил, что ввоз санталов происходил до 70-х годов включительно, но затем их стали направлять преимущественно на чайные плантации Ассама, и в 80—90-е годы XIX в. среди иммигрантов на Тринидад санталов уже не было [4, 29].

Санталы, а также другие «племена джунглей» из указанных выше районов, принадлежавшие в значительной части к той же группе мунда, находились на более низком уровне развития, чем большинство других народов Индии. Именно в тот период, когда начался массовый вывоз законтрактованных рабочих, колониальная администрация стала осуществлять планомерное «освоение» территории мунда, распространив на нее действие «земельных законов», что поставило эти племена в безвыходное положение. Лишенные средств к существованию, они уже в конце первой трети XIX в. становятся резервом дешевой рабочей силы — сначала для Ассама, потом и для более отдаленных районов, а затем — снова для Ассама и Северной Бенгалии. Предприниматели, пользуясь отсталостью мунда, извлекали из эксплуатации их большие выгоды; санталы и другие представители этой группы соглашались работать за самую низкую плату на самых трудных условиях. Вербовка среди мунда продолжалась до последнего времени, причем завербованные предназначались по-прежнему для выполнения самой тяжелой и низкооплачиваемой работы [1, 92; 7, 337—338]. Однако мунда не составляли и не могли составлять большинства среди завербованных уже хотя бы в силу своей небольшой численности.

Гвианский историк Дварка Натх упоминает в своей работе тамилы и гуджаратцев [10, 10]. Определенный процент их среди законтрактованных, безусловно, был: ведь предки тамилы и гуджаратцы, приморских жителей, совершали морские путешествия еще тысячи лет назад. Но процент этот был невысок.

В таком случае, правда, возникает вопрос — почему большинство уехавших за океан происходило из внутренних районов страны, а обитатели приморских местностей, для которых морские путешествия были делом привычным, оказались в меньшинстве? Но противоречия здесь, как нам представляется, нет, и вот почему. Гуджаратцы и тамилы, издавна знакомые с морем, обладали сравнительно широким кругозором. Они, по-видимому, яснее представляли себе, в какую далекую страну придется ехать, и в большинстве своем предпочитали если уж эмигрировать, то на Цейлон, где и тогда было немало тамилы и куда с 1847 г. выезд был разрешен официально [14, 140]. Подтверждение этому находим в приведенных выше данных о незначительном числе рабочих, ввезенных на Тринидад через Мадрас.

Думается — и приведенные далее материалы это подтверждают,—

что все сказанное можно распространить и на бенгальцев. Действительно, плодородная Восточная Бенгалия сама притягивала мигрантов, а уроженцы ее предпочитали далекой Вест-Индии более близкий и многим уже знакомый Ассам [там же, 145].

Наконец, большинство индийцев Тринидада говорит сейчас на хинди, а не на тамили и гуджарати. Это дает основания предполагать, что среди покидавших родину индийцев больше всего было уроженцев северной и центральной частей страны. В пользу такого вывода говорят следующие данные.

Во-первых, контракты с рабочими перед отплытием составлялись в трех языковых вариантах — на хинди, урду и на «коити» [4, 293]³. Однако на самом Тринидаде распространяемые среди индийцев брошюры с текстом иммиграционных законов печатались только на хинди и урду [там же, 294].

Во-вторых, выводы известного специалиста по истории сахарной промышленности Нозля Дирра, пользовавшегося официальными отчетами, свидетельствуют, что на первом этапе эмиграции преобладали уроженцы Бихара и Соединенных Провинций (Уттар Прадеш). Мадрас давал не более 10%, панджабцев было еще меньше [3, 95]. Как мы увидим дальше, это соотношение в дальнейшем особых изменений не претерпело. Так, по данным одного из уполномоченных индийского правительства, среди иммигрантов, переехавших на Тринидад до конца 1871 г., было: уроженцев Северной и Центральной Индии — 41,7%, Бихара — 29,3%, Западной Бенгалии — 21,9%⁴, Центральной Бенгалии — 3,6% и т. д. [14, 146].

Далее, по немногочисленным отчетам, содержащим интересующие нас данные о сравнительно раннем времени (1867—1868, 1877—1878, 1878—1879), около половины (точнее, 46,5%) ввезенных на Тринидад индийцев происходило с северо-запада страны, 27,9% — из Ауда, 16,2 — из Бихара, 5,4% — из Бенгалии, остальные — из Панджаба, Центральной Индии, Ориссы, княжеств. С юга и с запада было в 1877—1878 гг., например, лишь чуть больше 6% (131 человек из 2151) [14, 145; 8, 11].

Лет через тридцать в своих показаниях комиссии Сэндерсона Уорнер особо подчеркивал, что ни уроженцев нижней Бенгалии, ни южан на остров не ввозят уже давно. «Лучшей» и, по-видимому, наиболее многочисленной группой он считает выходцев из Лакхнау, Файзабада⁵, Бенареса, Горакхпура и других городов Соединенных Провинций [4, 29]. Как известно, родной язык жителей этих мест — хинди. Другой чиновник, также работавший в иммиграционном ведомстве, тогда же указывал, что бенгальцев среди законтракованных мало, южан почти нет, зато много бихарцев, панджабцев и жителей Аудха [4, 178]. Иными словами, говорящих на хинди было опять-таки большинство.

Материалы корабельных списков, использованные в книге Вуда, позволяют иногда конкретизировать и эти данные. Так, на судне «Кочин», совершавшем рейсы в 1869—1870 гг., уроженцев Северной Индии было больше половины — 58%. Это были выходцы из дистриктов Газипур, Бенарес, Азамгарх, Джанпур, Аллахабад. Характерно, что наибо-

³ Имеется в виду, вероятно, письменность кайтхи, которой пользовались в ряде районов Бихара.

⁴ Эти данные представляются нам сомнительными; не идет ли здесь речь скорее о пункте выезда, т. е. о Калькутте?

⁵ Один из индийских поселков на Тринидаде (ныне город) был даже назван Файзабадом, другой — Лакхнау и т. п.

лее значительно представленный бихарский дистрикт — Аррах — граничил с Северо-Западными провинциями [14, 146].

Наконец, этого же мнения придерживаются и Артур и Хуанита Найхофф, авторы первого обобщающего исследования по индийцам Вест-Индии. Их книга интересна тем, что в ней нашли отражение кое-какие не использованные в более ранних работах данные, например официальный отчет об эмигрантах, отплывших из Калькутты в 1908 г., 91% которых составили уроженцы Соединенных Провинций и Ауда.

Привлечение отчетов за другие годы не внесло существенных коррективов.

Бывали годы, когда панджабцев и бенгальцев становилось чуть больше (в 1908 г. из 2445 человек первых было шесть, а бенгалец всего один), но процент уроженцев долины Ганга никогда не опускался ниже 80—90 [11, 17]. Далее А. и Х. Найхофф приводят тот же аргумент о значении абсолютного преобладания хинди на Тринидаде, что и автор этих строк в своей статье 1961 г., когда он не имел еще возможности воспользоваться их книгой [1, 92].

Таким образом, можно констатировать отсутствие существенных разногласий по поводу этнической принадлежности большинства иммигрантов. Невзирая на недостаток материала, можно с уверенностью назвать те области Индии, откуда ведет свое происхождение основная масса индийцев Тринидада и других Антильских островов.

Обращаясь к социально-кастовой характеристике иммигрантов, отметим прежде всего, что соглашались ехать за океан, как правило, самые нищие, обездоленные люди, иногда оказавшиеся к тому же в конфликте с законом. Определенный интерес представляет характеристика иммигрантов, данная членом британской палаты общин Дж. Гомпсом во время дебатов «по сахарному вопросу» в 1848 г., т. е. через три года после начала вывоза индийцев на Тринидад. Защищая точку зрения своей партии и не скупясь на выражения, он говорит о «лентяях, попрошайках, беглецах, ворах, бродягах, праздношатающихся, развратниках, больных, беспутных, отвратительных, аморальных, покрытых болячками; некоторые из них — жрецы, другие — конюхи, некоторые — фигляры, иные — портные, пекари, кондитеры, только не сельскохозяйственные рабочие. Многие охотно брили своих товарищей, а взять в руки мотыгу отказывались» [12].

Цитата эта интересна во многих отношениях. Высокомерие колонизатора и расиста сочетается в ней с критикой колониальной администрации (индийской и тринидадской), плохо, по мнению оратора, выполняющей возложенные на нее задачи. Но есть в ней и другое. Возможно, вопреки желанию члена палаты общин, эта характеристика звучит и как обвинительный акт против тех, кто довел людей до такого положения, кто выбил их из привычной колеи и погнал за десятки тысяч километров искать спасения от нищеты. Если же обратиться к анализу конкретного материала, содержащегося в этой речи, то мы увидим среди иммигрантов, во-первых, деклассированные элементы, уже потерявшие связь с определенной профессией, во-вторых, ремесленников, разоренных в результате тех процессов, которые происходили тогда на всей территории порабощенной англичанами Индии, в-третьих, представителей как низших, так и высших каст, поставленных здесь на один социальный уровень.

Очень интересно в этой связи и одно из показаний, сделанное перед комиссией Сэндерсона. Чиновник, непосредственно занимавшийся эмиграцией из Индии, отметил, что среди уезжающих немало людей,

потерявших касту, а также вдов, выходящих потом на новом месте жительства замуж⁶ [4, 175].

Анализ интересующего нас материала осложняется тем обстоятельством, что до 1875 г. эмиграционной статистики в Индии вообще не существовало. Правда, в списках пассажиров была рубрика кастовой принадлежности, но велись эти списки небрежно, кроме того, сохранились они далеко не полностью [14, 141].

В принципе и вербовщики, и плантаторы, и иммиграционные власти Тринидада предпочитали рабочих низших каст. С более высокими кастами, подчеркнул в своих уже цитированных показаниях Уорнер, бывает много беспокойства, в частности из-за пищи [4, 29; 8, 11].

Среди населения Тринидада, да и среди исследователей, сложилось мнение: подавляющее большинство законтрактованных рабочих принадлежало к низшим кастам. Не касаясь сейчас вопроса об утрате касты после переезда через море, отметим лишь, что абсолютизировать это положение не следует, и вот по каким причинам. Прежде всего, то, что мы знаем о кастовой принадлежности иммигрантов, не всегда точно. Чиновники, ведшие записи, были мало подготовлены для этой задачи, часто они вообще не указывали каст иммигрантов, нередко указывали их неверно, кроме того, в разных районах Индии многие касты назывались по-разному, а функции и престиж каст в различных провинциях тоже далеко не всегда были одинаковы. Наконец, обстановка не исключала и такого варианта, как сознательный обман со стороны того или иного иммигранта, по каким-то причинам указавшего не свою касту, а другую, ту, к которой он на самом деле не принадлежал.

Обратимся для примера к некоторым спискам пассажиров сравнительно раннего времени. Таковы, например, документы судна «Брюс», перевезшего в 1859—1860 гг. 191 пассажира из Мадраса на Тринидад. Из этого числа было 13 мусульман, следовательно, индуистов остается 178. Однако для подавляющего большинства есть только лингвистические данные (108 тамилы и 18 телугу, итого 126). Остается, таким образом, 52 человека. Но есть данные о кастах для 61 человека, т. е. некоторые тамилы и телугу охарактеризованы и с этой точки зрения, хотя большинство таких характеристик не получило.

Почти все мадрасцы, о которых есть нужные нам данные, принадлежат к низшим кастам: 49 — параяны (неприкасаемые слуги и батраки) и 9 — чаккилийяны (неприкасаемые кожевники и сапожники). Двое принадлежали к помещицкой касте тотти [14, 142].

В том же году подобные рейсы совершало другое судно — «Клара». Из 189 его пассажиров мусульман было 14, а число каст, представленных среди остальных, составляло 23. Но больше всего на этот раз было представителей касты веллала (45) — одной из самых высоких у тамилы (в нее входили крестьяне-землевладельцы, мелкие, да и не только мелкие, помещики). Параянов же было почти в два раза меньше — 24, и даже если прибавить к ним паланов (неприкасаемая каста батраков) — их было 19 и 9 чаккилийянов, то веллала и представителей других высоких и средних каст все равно на борту было больше. Среди них Вуд называет двух четти (каста торговцев), двух каммаланов (многочисленная ремесленная каста), девятих землевладельцев — маратхов.

Однако эти данные могут показаться нетипичными, ибо выезжали

⁶ Это обстоятельство представляет первостепенный интерес с индологической точки зрения.

в основном не через Мадрас, а через Калькутту. Обратимся к материалам по этому порту. Отчет за 1877—1878 гг., о котором уже шла речь, содержит и данные о кастовом составе эмигрантов, выезжавших через Калькутту. Из 18 488 человек — мусульман было 2250 (чуть больше 12%), христиан — семеро. Остается 16 231 человек. Кастовая их принадлежность характеризуется следующими цифрами: низшие касты — 8807 человек (около 48%), земледельческие — 4438 (больше 24%), брахманы — 2223 (больше 12%), ремесленники — 763 человека.

Эти цифры подтверждаются теми, которые извлек из официальных отчетов Д. Вуд. По его подсчетам, за 1876—1885 гг. через Калькутту на Тринидад выехал 17 441 индус, в том числе принадлежавших к низшим кастам — 41,5%, к земледельческим — 32, к высшим (включая брахманов) — 18, к ремесленным — 8,5%.

Как видим, соотношение принципиально не меняется. Не изменилось оно, в общем, и далее [8, 12; 14, 144—145].

У одного из исследователей индийской эмиграции встречаются сведения, что реальный процент брахманов был, вероятно, еще выше. Оказывается, некоторые из них давали неверные сведения о своей кастовой принадлежности, ибо колониальные власти старались брахманов не вербовать [6, 54]. Но брахманы появились на острове в первые же годы ввоза индийцев, что видно хотя бы из следующего: уже в 1845 г. на одной из тринидадских плантаций был зафиксирован один рабочий-брахман. На корабле «Пуна» (1868—1869) брахманы занимали среди пассажиров второе место, в 1880—1881 гг. на «Джамне» — третье [14, 143].

Эти данные уже сами по себе позволяют пересмотреть кое-какие оценки. Важные коррективы можно внести, обратившись и к материалам других авторов.

Возьмем, например, статью Н. Дирра, основанную на различных официальных публикациях. В первые годы эмиграции, указывает он, шире всего были представлены раджпуты (одна из высоких каст, занятием которой было в прошлом военное дело) и чамары — неприкасаемая каста сапожников. Довольно значителен был процент таких высоких и средних каст, как ахиры (скотоводы), курми и коири (земледельцы), кунби, также занятые в сельском хозяйстве. Среди ремесленных каст чаще всего упоминаются тели (с севера и востока Индии, занятие — маслоделие и торговля маслом), сонары (ювелиры), лохары (кузнецы), лодхи (писцы), нуния (работающие с селитрой). Из самых низших — неприкасаемые дхоби — прачки (среди неприкасаемых каст Дирр называет еще дум и досад). По его подсчетам, брахманы среди эмигрантов составляли не более 1% [3, 95]. В вопросе о брахманах, как мы видели, с автором трудно согласиться; что же касается других каст, то данные корабельных списков ставят под сомнение и оценку роли раджпутов, выдвигаемую Дирром. Хотя людей этой касты и можно было встретить на первых же кораблях (а на «Элизе» в 1851 г. они занимали по численности даже четвертое место), они никогда не были в большинстве [14, 114].

Другой вывод Дирра корабельные списки подтверждают. Чамаров, действительно, среди иммигрантов было довольно много. На «Акбаре» они (1859) делили первое место с багди (низкая каста рыбаков, батраков и носильщиков из Бенгалии и Бихара). Среди пассажиров «Пуны» (1868—1869) их было больше всех — 40. В 1880—1881 гг. на борту «Джамны» они также составляли самую большую группу — 37 завербованных.

В дополнение к кастам, отмеченным Дирром, можно, руководст-

вудась списками, назвать еще земледельцев кахаров; касту садгоп, также земледельческую, известную главным образом тем, что брахманы могли принимать из их рук воду, и, наконец, торговцев банья [там же].

Приведенные материалы при всей их неполноте дают возможность сделать следующие выводы. Во-первых, обращает на себя внимание высокий процент высших каст, прежде всего брахманов. Во-вторых, очень низкой оказывается доля ремесленных каст. В-третьих, следовательно, низшие касты составляют хотя и значительную часть, но меньше половины иммигрантов. Отсюда вытекает, что при всей важности кастового критерия определяющим был момент экономический, а кастовый отступал на второй план.

Не лишены интереса и данные о грамотности среди иммигрантов. Мы, правда, располагаем ими применительно лишь к концу XIX — началу XX в., причем речь идет о грамотных на хинди или урду. Их было всего 5—6% [4, 293—294]. По-видимому, какую-то их часть составляли мусульмане, знакомые с Кораном в переводе на индийские языки [5, 142]. Появление грамотных людей не вызвало у плантаторов никакого энтузиазма: эксплуатировать таких рабочих было, конечно, сложнее.

Из сказанного выше видно также, что среди иммигрантов индусы составляли подавляющее большинство.

Наконец, очень важно для нас указание и на то, что уже в первой группе законтрактованных были индийцы, для которых такая работа стала, в сущности, профессией. Так, на первых же кораблях, которые пришли в Кингстон (Ямайка) и Порт-оф-Спейн (Тринидад), было по нескольку человек, уже завербованных когда-то на плантации о-ва Маврикий, проработавших там несколько лет и даже в известной мере овладевших за это время французским языком [2, 99; 14, 113]. Однако такие люди составляли среди иммигрантов ничтожное меньшинство. Впоследствии, правда, их стало больше.

Материалы об этническом и социальном составе иммигрантов представляют нам необходимой основой для дальнейшего исследования истории и этнографии индийцев, переселенных на Антильские острова.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Дрицко А. Д., Индийцы острова Тринидад,— «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961.
2. Cumpston I. M., Indians Overseas in British Territories, 1834—1854, London, 1955.
3. Deerr N., Indian Labour in the Sugar Industry,— «International Sugar Journal», March 1938.
4. Emigration from India to the Crown Colonies and Protectorates. Report on the Committee on Emigration from India to the Crown Colonies and Protectorates. Presented to Both Houses of Parliament... June 1910, pt II, London, 1910.
5. Erickson E. L., The Introduction of East Indian Coolies into British West Indies,— «Journal of Modern History», London, 1934, vol. VI, № 2.
6. Gillion K. L., Fiji's Indian Migrants, Melbourne, 1962.
7. Jha J. C., Indentured Indian Migration,— «Journal of Indian History», 1970, vol. XLVIII, pt II.
8. Klass M., East Indians in Trinidad. A Study of Cultural Persistence, New York — London, 1961.
9. Kondapi C., Indians Overseas, 1838—1949, Bombay, 1951.
10. Nath D., A History of Indians in British Guiana, London, 1950.
11. Niehoff A. and J., East Indians in the West Indies. Milwaukee, 1960 (Milwaukee Public Museum Publications in Anthropology, № 6).
12. Parliamentary Debates, vol. XCIX, 1848.
13. Roberts K. W., The Population of Jamaica, Cambridge, 1957.
14. Wood D., Trinidad in Transition, New York — London, 1968.